

**А. Ю. ДВОРНИЧЕНКО****DOI: 10.38210/RUSTUDH.2019.1.7****Древний русский Крым в творчестве Георгия Вернадского (к публикации статьи Г. В. Вернадского «Корсунь в русско-византийских отношениях»)****The Ancient Russian Crimea in the Works of George Vernadsky (for publication of the article of G. V. Vernadsky “Korsun in Russian-Byzantine relations”)**

The main purpose of this article is to expose, analyze and publish the article “Korsun in Russian-Byzantine relations,” written by the prominent Russian-American historian George Vernadsky. The Crimea played the great role in his life. He worked here in the local university in Simferopol and served in the government of P. Vrangeli. From here he had to begin his emigrant’s life. But he is also the remarkable investigator of Crimean history. The history of this region the scholar studied in his famous “The History of Russia” in five volumes (six books), in “The Origin of Russia,” and many articles and essays.

But one of the most interesting articles, devoted to the history of Crimea, has not been published until now. This work has its own interesting story: Vernadsky wrote it for the famous “Annales” of the Seminarium Condakovianum in Prague. During the ‘30s he made great efforts to reanimate this venerable institution. But all his efforts did not achieve the desired result and the institution closed. One of the results: the “Annales,” and the article of Vernadsky remained unpublished.

A. Dvornichenko is not only publishing here the Vernadsky’s article with the “Résumé” and additions which were had made by the author himself, but also tells about the conceptual world of Vernadsky as a whole. This historian all his scholarly life supported the idea of “Ancient Russian Crimea.” In the other words he found the presence of the Russians in the Crimea during the Middle Ages.

**Keywords:** *Crimea, George Vernadsky, Korsun, Russian-Byzantine relations, Sarmato-Alans, Russians, Tmutorokan*

Dvornichenko, Andrei Yuryevich – D.Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University (7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia) e-mail: [a.dvornichenko@spbu.ru](mailto:a.dvornichenko@spbu.ru)

Крым сыграл особую роль особую роль в жизни выдающегося историка Георгия Владимировича Вернадского. В 1916 г. родители купили участок земли в кооперативе «Баты-Лиман», который располагался в живописном месте недалеко от современного Севастополя. Впереди виделись годы наслаждения удивительной крымской природой, воздухом, морем. Но история, как известно, рассудила по-другому...

Осенью 1918 г. в разгар гражданской войны Георгий приехал в Крым из северной Перми, активно участвовал в создании Таврического университета в Симферополе, а затем принял предложение Врангеля и стал служить начальником отдела печати в штабе. Одно время казалось, что красным пришёл конец, но вектор истории вновь изменился, и начались годы изгнания, в котором историк всегда помнил полюбившийся ему Крым. Впрочем, если говорить о фактах биографии, то при всей оригинальности судьбы и личности историка – он не уникален. Крым знали и помнили сотни экспатриантов, участников нашего «великого рассеянья», охватившего, фактически, весь мир, все континенты и массу городов и весей.

Зато уникально место Георгия Вернадского в сфере научного изучения средневекового Крыма. Он, пожалуй, единственный историк такого масштаба, который всю свою научную жизнь твёрдо стоял на позиции раннего появления и постоянного присутствия русских в Крыму в эпоху Древней Руси. Причём, эта позиция органично вырастала из его общей концепции древней и средневековой истории Евразии, которую он тщательно разработал и с блеском воплотил в своей знаменитой пятитомной (в шести книгах) «Истории России», также и в других книгах, статьях, рецензиях. Ситуация в нынешних обстоятельствах особенно интересна, если вспомнить о том, что Вернадский и русский, и американский историк – больше, чем половина его жизни прошла в США, в знаменитом Йельском университете.

И вот научный парадокс! Статья, которая стала своего рода подведением итогов в изучении данной темы, статья небольшая, но необычайно содержательно насыщенная, так и не была опубликована. Мы с удовольствием предоставляем её на суд читателей. Понимая, что такая тема должна стать предметом отдельного исследования и скорее книжного формата, мы всё-таки считаем необходимым кратко рассказать о концепции замечательного историка.

Уже древние славяне – анты – представлялись историку, как результат симбиоза славянского и иранского населения, причём этот симбиоз мог начаться уже в глубинах Азии, откуда могла придти хотя бы часть славян. “Ас” или “анты” жили во втором веке до н.э. в Южном Казахстане и, возможно, даже в Джунгарии<sup>1</sup>. Это взаимодействие народов гораздо активнее развернулось в южнорусских степях. Историку рисовалась картина, обычная для Евразии: клан скотоводов – сармато-аланов – осуществляет свою власть над земледельческим племенем антов и при этом структурирует, организует саму эту племенную жизнь. Анты состояли из двух групп: западная расселялась севернее Дуная, в бассейнах Прута, Днестра и Южного Буга, а восточная группа занимала равнины севернее Азовского моря. Если в западной группировке славяне составляли большинство населения, то в восточной, видимо, сарматский элемент был более заметен<sup>2</sup>.

С антов начинается собственно русская история и уже эти анты попадали в Крым. Их появление можно отнести ко времени ранее III в. “Аланы”, “асы”, “анты” – все эти племенные названия оставили прочный след в топонимике Крыма<sup>3</sup>. Даже древняя столица готов в Крыму – Дорас называется не по-кельтски, а по-алански – Дор-Ас, и в связи с этим можно вспомнить и другие топонимы с “ас”<sup>4</sup>.

Кстати, аланам русские обязаны и своим именем. Правящие аланские роды были известны как “рухс ас” (светлые ас). Иранское племенное название могло быть рационализировано славянами с помощью своего языка (“Рос” от “росы”). “Рухс” могло в нескольких местных славянских диалектах звучать как Рос или Рус, в свете чего происхождение греческого ‘Ρως и славянского Рус становится понятным<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> VERNADSKY GEORGE, KARPOVICH MIKHAIL, *A History of Russia. Vol. I. Ancient Russia*. VERNADSKY GEORGE *Ancient Russia* (New Haven: Yale University Press; London: Humprey Milford, Oxford University Press, 1943), 425. Далее: VERNADSKY, *Ancient Russia*, 83–84.

<sup>2</sup> VERNADSKY GEORGE “On the Origins of the Antae”, *Journal of the American Oriental Society*, vol. 59, no. 1 (Mar. 1939): 63–64.

<sup>3</sup> VERNADSKY, *Ancient Russia*, 105–106, 148. См. также: VERNADSKY G. “The Rus in the Crimea and the Russo-Byzantine Treaty of 945”, *Byzantina-Metabyzantina*, t. I. N.Y. (1946): 249–250.

<sup>4</sup> VERNADSKY GEORGE, Review [Alexander A. Vasiliev. *The Goths in the Crimea* (Monographs of the Medieval Academy of America, No 11). The Medieval Academy of America, Cambridge, Mass., 1936], *Byzantion. International Journal of Byzantine Studies*, vol. XV. Published by the Byzantine Institute. Boston: Mass. (1940–1941): 499, 497–499.

<sup>5</sup> VERNADSKY, *Ancient Russia*, 97, 107–108.

Понятно, почему анты уходят из византийских хроник уже с началом VII в.: западные анты распались на отдельные племена, и к тому же создание Дунайской Болгарии отделило их от Византии. Что же касается восточных антов, то они нашли убежище на Северном Кавказе и смешались с аланами<sup>6</sup>. Территории, населенные как северокавказскими асами, так и приазовскими асо-славянами (антами) вошли в состав хазарского каганата. Они, скорее всего, играли важную роль в каганате, поскольку асы были наиболее развитым народом в политической сфере. Под защитой хазар рус-асы в Азовском регионе жили в мире и довольстве около столетия, за исключением тех случаев, когда они должны были оказывать помощь господствующему над ними народу в защите кавказских горных проходов от арабов. У хазар были города, среди которых интересна Тматорокань на Чёрном море в дельте Кубани<sup>7</sup>. Согласно версии историка у хазар в роли бека, т.е. второго правителя мог выступать и ас – представитель антского сообщества.

Однако, настало время, когда хазары больше не в состоянии были сдерживать своих врагов. Начиналась новая – варяжская эпоха...

Захватив Верхний Салтов, варяги открыли для себя ворота к донецко-донскому речному пути и вниз к Азовскому морю. Отряд шведов, контролировавший местные племена асов и рухс-асов (русь), видимо, не был многочисленным, и постепенно шведы не только смешались со своими поданными, но и приняли их название и сами стали известны сначала как асы, а затем как русь<sup>8</sup>. Так в Приазовье возник «Русский каганат».

Вернадский согласен с теми исследователями, которые считают Русь в это время врагами хазар. Но на каком основании их помещать в Новгороде? Они базировались в Приазовье. Защищаясь от них, хазары построили знаменитую крепость Саркел. Именно из Приазовья в 839 г. отправилось не менее знаменитое посольство, упомянутое в Бертинских анналах.

Между тем, и прежде и теперь многие исследователи отправляли этих послов из Киева. Против таких попыток в его время, прежде всего, против концепции друга-византиниста

---

<sup>6</sup> VERNADSKY, On the Origins of the Antae, 66.

<sup>7</sup> VERNADSKY GEORGE, "Toxar, t'ma, T'mutorokan" in *For Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Sixtieth Birthday* (The Hague, 1956), 588–591.

<sup>8</sup> VERNADSKY, *Ancient Russia*, 268–274.

А. А. Васильева историк выступал постоянно<sup>9</sup>. Критика Васильева есть и в публикуемой статье.

В одной из работ Историк анализирует *Notitia Episcopatum*, где содержится список епископий епархии Готии, который очень важен для понимания проникновения христианства как в Крым, так и на Северный Кавказ<sup>10</sup>. Историк ввязывается в спор по поводу датировки *Notitia*. Уже первый издатель документа Карл Г. де Бор предположил, что он происходит из разных источников без всякой попытки компилятора как-то гармонизировать свои данные. Это вполне может относиться и к случаю «готской епархии». Анализ текста убеждает его в таком мнении...

Историк приводит доказательства в пользу того, что список был составлен Константином Философом на основе информации, собранной им во время его путешествий. Гипотетическое восстановление маршрута Константина позволяет историку идентифицировать ряд мест, упомянутых в списке, начиная с хазарской столицы Астел (Итиль) и т.д. Выяснилось, что Философ посетил шесть из семи пунктов, упомянутых в списке.

Не побывал он только в Тмуторокани. Это не значит, что энергичный просветитель не интересовался этим местом. Его визиту сюда помешали обстоятельства. Впрочем, создание этой епархии само конституирует некую проблему, ведь Тмуторокань была местом дислокации главы «Русского каганата». Отсюда, как предположил уже Е. Е. Голубинский, отправлялись руссы в 860 г. в поход на Константинополь.

Но почему византийцы приняли решение подчинить готской епархии и Тмуторокань, и хазар? По мнению историка, первоначальный план был шире: хотели создать отдельную хазарскую епархию. Но миссия Философа не совсем удалась, хотя создание общей епархии, как казалось, было вполне оптимальным компромиссным вариантом. Как бы то ни было, к началу X столетия единой епархии уже не было.

---

<sup>9</sup> VERNADSKY, 1) Review [ALEXANDER A. VASILIEV. *The Russian Attack on Constantinople in 860* (Cambridge: Mediaeval Academy of America, 1946)], *The American Historical Review*, vol. 52, no. 2 (1947 Jan.): 308–309; 2) “The Problem of the Early Russian Campaigns in the Black Sea Area”, *American Slavic and East European Review*, vol. 8, no 1 (1949 Feb.): 1–9; 3) *The Origins of Russia*, 188–189.

<sup>10</sup> VERNADSKY, “Byzantium and Southern Russia. Two Notes: I. The Eparchy of Gothia; II. The Date of the Conversion of the Khazars to Judaism”, *Byzantium. International Journal of Byzantine Studies*, vol. XV. Published by the Byzantine Institute (Boston: Mass. 1940–1941): 67.

Знаменитый поход Аскольда и Дира на Царьград и был предпринят совместными усилиями этих славных князей и Русского каганата, т. е. руссов, обосновавшихся к тому времени в Крыму и на Тамани<sup>11</sup>.

Одним из последствий неудачного похода стало крещение какой-то части руссов. Если учесть это присутствие руссов в Крыму и по соседству, не вызывает удивления у историка наличие евангелия и псалмов на языке крымских асов или русов. Удивления не было и у первооткрывателя этой древней русской письменности – просветителя Константина, известного в славянском мире больше под именем Кирилл. Историк приводит и свои доказательства в пользу существования этой письменности<sup>12</sup>.

Итак, патриарх Фотий мог торжественно провозгласить, что «народ рос, известный своей дикостью, теперь принял христианского епископа и стал исполнять христианские обряды с большим усердием». К сожалению, Фотий не указал в своем послании, где располагалась епархия русского епископа. Но, поскольку тмутороканская епархия упомянута в перечне епархий Готии, который, по мнению Вернадского, был, видимо, составлен Константином после его возвращения из Хазарии – следует считать тмутороканское епископство зародышем русской церкви.

У варяжских князей, обосновавшихся на Днепре, был свой «имперский план». Были тут и свои мечты и своя реальность. Варяги встречали поддержку со стороны славян, но силы самого киевского образования были невелики – всего несколько племён. Таких сил для войны на два фронта – против Византии и Востока – было мало.

Первый успех пришёл при Олеге. Первое затруднение в осуществлении имперского плана возникло уже при Игоре Старом. Важнейшим результатом его активности стало подписание нового договора с Византией (945 г.), который подтвердил и расширил договоры 907 и 911 гг.

В этом договоре историк особо отметил статьи, посвящённые Крыму. Место это не совсем ясное. Согласно предположению историка, русский князь обязался защищать Крым от черных болгар и содействовать императору в усмирении тех городов (очевидно

---

<sup>11</sup> VERNADSKY GEORGE, *The Origins of Russia* (Oxford: At the Clarendon Press, 1959), 213–226.

<sup>12</sup> VERNADSKY, *Ancient Russia*, 348–349. VERNADSKY, *The Origins of Russia*, 233–235.

под хазарским протекторатом), которые не хотели признавать авторитета императора. Другими словами, это был альянс между русскими и византийцами, направленный против хазар и чёрных болгар<sup>13</sup>. Князь, который фигурирует в договоре – это не Игорь, а русский каган из Тмуторокани. В публикуемой статье историк возвращается к этому «первому документальному свидетельству о русских в Крыму».

Короткое правление Святослава стало одним из самых драматических периодов русской истории. Дав вместе с Львом Дияконом блестящий портрет русского воителя (не забыв сравнить его с казацкими предводителями более поздних времён), историк перешёл к анализу его деятельности и здесь, как всегда, нашёл «крымский след». Дело в том, что Святослав, как и Олег, хотел объединить силы с Тмутороканью, чтобы установить контроль над азовским регионом и открыть дорогу в Каспийское море. Крымские готы и русичи, жившие в Крыму, обратились к Святославу за помощью в борьбе с хазарами. Поход на хазар прекрасно датируется ярким астрономическим событием, которое наблюдали участники посольства, возвращаясь в Крым. Это не 965, а 963 г.!

Разобраться в перипетиях внешней политики Святослава не так легко, но историк с честью вышел из этой ситуации. Кстати, после поражения от войск Цимисхия Святослав заключил с греками договор (971 г.), по которому отказался от своих притязаний на Крым и Болгарию<sup>14</sup>. Впрочем, в публикуемой статье отмечено, что отказался он не от всего Крыма, а только от «Херсонской фемы».

Что же касается Тмуторокани, то её статус в начале правления Василия I повысился до архиепископии. При этом, согласно Notitia Gelzer III (969 – 976), она находилась в связи с Зихией, т.е. западной частью Северного Кавказа.

Следующий знаменательный этап в истории русско-византийских отношений в Крыму – поход Владимира на Корсунь в 989 – 990 гг. Рассматривая это знаменитое мероприятие, надо говорить не только о политической, но и о церковной стороне дела. Кстати, раздел о походе в одной из статей так и называется: «Взгляд из Тмуторокани». Историк убедительно показывает, что Владимир напал на Корсунь отнюдь не только потому, что

---

<sup>13</sup> VERNADSKY, 1) *The Rus' in the Crimea and the Russo-Byzantine Treaty of 945*, 249–260., 2) *The Origins of Russia*, 267.

<sup>14</sup> VERNADSKY, *Ancient Russia*, 43–44., 47.

это был самый уязвимый византийский город, но имея ввиду и епархию в расположенной рядом Тмуторокани. Он мог бы установить контроль над несколькими епископиями, включая и древнейшую – в Тмуторокани<sup>15</sup>. С политической, как и со стратегической точки зрения, Тмуторокань в десятом веке была столь же важна, как и Киев. Кроме того, как сказано в публикуемой статье, хотелось вернуть под свой протекторат крымские земли, потерянные при Святославе.

Осада Корсуня показала, что в городе было прорусски настроенное население. Видимо, ещё больше русскоязычного населения было в восточном Крыму, который контролировался в своё время Игорем и Святославом. После взятия Корсуни (Херсона) император, наконец, отпустил свою сестру Анну на Русь. Владимир и Анна повенчались в Корсуни, после чего русский князь вернул императору Корсунь в виде вена. Но вернул он (см. публикуемую статью) только город с прилегающей территорией, а русский владения в восточной части Крыма несомненно остались за Владимиром.

Опираясь на работы того же А. А. Васильева, историк пишет о путешествии Владимира с полученной уже от византийцев невестой из Корсуни в Керчь. Вероятно, он побывал и в Тмуторокани и отсюда привёз епископов и священников<sup>16</sup>. Характерно то, что после крымской кампании Владимир присвоил себе титул кагана, который сохранил за собой и его сын Ярослав.

Весной или летом 990 г. Владимир вернулся в Киев и время до 1037 г. – время основания русской Церкви. К концу правления Владимира было уже семь епископий, да плюс епископия в Тмуторокани, возникшая раньше. Сложен вопрос об отношениях русской Церкви и Византии при Владимире. Историк отказывается от концепции одного из своих учителей – М. Д. Присёлкова: ему не удалось доказать, что русская Церковь была под началом болгарского архиепископа в Охриде. Историк теперь вместе с Владимиром Святým стоит на том, что христианство и церковь из Византии, а вслед за Голубинским по-прежнему утверждает, что первая епархия в Тмуторокани. Но власти византийских иерархов Владимир не признаёт. Более того, историк считает, что архиепископ Тмуторокани был приматом всей русской церкви при Владимире. Это была

---

<sup>15</sup> VERNADSKY, 1) "The Status of the Russian Church during the First Half-Century Following Vladimir's Conversion", *Slavonic Year-Book. American Series*, vol. 1, (1941): 295–297., 294–314., 2) *Kievan Russia*, 64–68.

<sup>16</sup> VERNADSKY, *The Status of the Russian Church*, 301.



автокефальная архиепископия, авторитет которой практически равен патриархату<sup>17</sup>. Он выше авторитета митрополита, подчинённого, как известно, патриарху. В более поздней работе он даже склонен считать главой церкви самого великого князя<sup>18</sup>. Все эти наблюдения подтверждает тонкий и дотошный анализ Устава Владимира<sup>19</sup>.

Из описания «которы» между сыновьями Владимира, интересны соображения о попытках Мстислава продолжить былую славу старого русского каганата в Тмутаракани. Тем более, что предположительно Тмуторокань по-прежнему была религиозным центром Руси в это время<sup>20</sup>. Годы «которы» Мстислав употребил на то, чтобы укрепить свою власть в Приазовье и округлить свои владения по обеим сторонам Керченского пролива. В развернувшейся войне с Хазарией в союзе между собой выступили Византия и Тмутороканская Русь. Такое сотрудничество было предусмотрено договором 945 г. и вот оно – в жизни, а результат описан в публикуемой статье!

Правление Ярослава Мудрого было продолжением предшествующих. При нём определилось положение русской церкви – прибыл митрополит из Византии, что, впрочем, не помешало русско-византийским отношениям в скором времени испортиться. Дело не ограничилось войной 1043 г., по поводу которой есть разные версии и в источниках и в историографии.

Этой войне историк посвятил отдельную интереснейшую статью. До него война рассматривалась лишь известным византинистом Г. Шлемберже в 1905 г., который больше поставил вопросов, чем дал ответов. Историк начал с твёрдой источниковедческой основы, рассмотрев все источники: византийские, древнерусские и восточные. На основе этого добротного материала историк нарисовал свою подробную картину событий. Но мало этого! Историк показал, что это всё отнюдь не единичное столкновение: он поставил эти события в общий контекст русско-византийских отношений<sup>21</sup>.

---

<sup>17</sup> VERNADSKY, *Kievan Russia*, 65.

<sup>18</sup> VERNADSKY, *The Origins of Russia*, 302.

<sup>19</sup> VERNADSKY, *The Status of the Russian Church*, 305–310.

<sup>20</sup> VERNADSKY, *Kievan Russia*, 77.

<sup>21</sup> VERNADSKY GEORGE, “The Russo-Byzantine War of 1043“, *Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher. Internationales wissenschaftliches organ. Achtzehnter band* (1945–1949). Athen: Verlag der «Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher» (1960): 123–143.

Историк ввёл эти события и в контекст церковных отношений, связав следующее обострение в этих отношениях со смелой попыткой Ярослава в 1051 г. придать самостоятельность русской церкви и избрать своего, русского митрополита. Историк предположил, что в 1052 г. было заключено политическое соглашение между Русью и Византией и, судя по всему, Илларион пал жертвой этих политических игр. Что же касается Крыма, то последствием русской неудачи стало распространение византийской власти, в частности город Сурож (Сугдея) был занят византийцами.

В 1927 г. историк выступал на II Международном съезде византиноведов в Белграде. Резюме и текст доклада хранятся в фонде Вернадского<sup>22</sup>. Резюме в расширенном виде было опубликовано<sup>23</sup>. Историк отмечал, что характер отношений между Византией и Русью менялся в зависимости от международной ситуации и социально-политического развития и Византии, и Руси. В публикуемой работе он отмечает, что в 1060-е гг. наметилось усиление русской активности в Крыму, хотя междоусобицы раздоры ослабили положение русских. Вся эта активность русских носила уже несколько другой характер, определявшийся изменением международной ситуации, а главное – внутренними сдвигами внутри Тмутароканского социума. Историк, фактически, подвёл к выводу, который за него сделал другой исследователь, через несколько десятков лет – А. В. Гадло<sup>24</sup>. Русичи здесь создали такой же город-государство, древнерусскую политику, столь характерную для Киевской Руси<sup>25</sup>. Город-государство немислим без окружи, без волости, которая в данном случае располагалась и в Приазовье, и в Крыму. Рассмотрение вопроса о том, насколько выводы и наблюдения выдающегося историка соотносятся с современными подходами, потребовало бы отдельной работы, и следует их оценивать в своём историографическом контексте.

Рукопись хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) (Columbia University. The Butler Library. Bakhmeteff Archives (BAR). George Vernadsky Papers (GVP). Box. 96. Arranged Manuscripts. Articles. Books. Essays). Это

---

<sup>22</sup> BAR. GVP. В. 96. «Характер взаимоотношений Византии и русских княжеств в XII и начале XIII века»

<sup>23</sup> VERNADSKY GEORGE “Relations byzantino-russes au XIIe siècle”, *Byzantion. Revue Internationale des études byzantines*, t. IV (1927–1928), (Paris: Liège, 1929): 269–276.

<sup>24</sup> А. В. ГАДЛО, *Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв.* (Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994), 128.

<sup>25</sup> И. Я. ФРОЯНОВ, А. Ю. ДВОРНИЧЕНКО, *Города-государства Древней Руси* (Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1988)

машинопись (15 стр.) и рукописные добавления (2 стр. – резюме; 3 стр. – собственно добавления).

Статья имеет свою интересную историю, которая отразилась в переписке Г. В. Вернадского с А. В. Флоровским. Летом 1947 г. Вернадский воодушевился идеей возрождения «Анналов *Seminarium Kondakovianum*» – в 30-е годы, уже живя в США, он прикладывал титанические усилия, чтобы реанимировать Институт Н. П. Кондакова. Однако, из-за занятости и короткого срока, отведенного (как ему казалось) на подготовку издания, мог прислать в Прагу только перевод своей более ранней статьи<sup>26</sup>. Когда выяснилось, что время всё-таки есть, Вернадский и стал писать «Корсунь». Но работа продвигалась медленно – отвлекало профессорство в университете, а затем вышла техническая неудача: у машинистки в библиотеке сломалась машинка. Пришлось профессору самому допечатывать уже на двух машинках: русской и английской<sup>27</sup>.

Наконец, статья была окончена, выслана в Прагу и получена Флоровским<sup>28</sup>. В очередной раз в общении русских учёных возникает своего рода творческая лаборатория: Флоровский напомнил Вернадскому о статье советского историка Насонова<sup>29</sup>. И из Америки в Прагу 23 сентября 1948 г. приходят добавления, а заодно и резюме на английском<sup>30</sup>. Помимо Вернадского, статью прислал В. А. Мошин, обещали А. А. Васильев, Н. П. Толль и ряд других русских учёных по обе стороны Атлантики. Но всё это было зря: ветры истории не раздули, а потушили славный огонек исторической и искусствоведческой мысли в Праге. Как писал Флоровский 4 марта 1949 г., начались переговоры «об известной организационной связи» Института Н. П. Кондакова с Академией Наук СССР<sup>31</sup>, но возобновить деятельность Института так и не удалось...

Выражаю сердечную благодарность куратору Бахметевского архива Тане Чеботарев за любезное разрешение опубликовать данную статью.

---

<sup>26</sup> Архив Российской Академии Наук (АРАН). Ф. 1609 (Личный фонд А. В. Флоровского). Оп. 2. Д. 171. Л. 49, 55. Эта идея не понравилась, как Флоровскому (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Л. 2), так и самому Вернадскому.

<sup>27</sup> АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 171. Л. 59, 61.

<sup>28</sup> Там же. Д. 14. Л. 8.

<sup>29</sup> См. о «творческой лаборатории Вернадский – Савицкий»: ДВОРНИЧЕНКО А. Ю., «Подобные проблемы давно уже ставились на очередь евразийцами». Письма П. Н. Савицкого Г. В. Вернадскому. 1933 г.» *Исторический Архив*, по. 4, (2015): 166–181.

<sup>30</sup> АРАН. Ф. 1609. Оп. 2 Д. 171. Л. 68.

<sup>31</sup> Там же. Д. 14. Л. 4.

## **Г. В. Вернадский: Корсунь в русско-византийских отношениях X и XI веков**

### **George Vernadsky: The Crimea in Russo-Byzantine Relations of the Tenth and Eleventh Century (Résumé)**

The first documentary evidence of the Russian interest in the Crimea is to be found in the Russo-Byzantine treaty of 945, but the Antes (proto-Russians) must have penetrated the eastern part of the Crimea much earlier than that. In this author's opinion, the meaning of the clause of the Treaty of 945 referring to the Crimea has been misunderstood by most Russian historians. It has been usually argued that according to it, the Russians abandoned their claims on the Crimea. Actually, the clause provided for Russo-Byzantine cooperation in the Crimea and joint action against the Khazars.

It is known from Skilitzu (Cedrenus), that the Byzantines and the Russians undertook a successful campaign in the Crimea against the Khazars in 1016. This was (or may be considered) a case of the practical applications of the Treaty of 945. The Russians continued to be active in the Crimea in the middle of the eleventh century and prince Rostislav of Tmutorokan was popular even among the citizens of Cherson (Korsun) in the Byzantine portion of the Crimea. However, as a result of the fratricidal wars between the Russian princes and the pro-Byzantine policy of prince Vsevolod of Kiev, the Russians themselves helped to restore the Byzantine emperor's authority over Cherson by crushing her rebellion against him, around 1077.

## **I.**

Имя «Корсунь» в древнерусской письменности употреблялось в двух смыслах. Во-первых, оно означало город Херсон (классический Херсонес) в Крыму близ нынешнего Севастополя. Во-вторых, под именем «Корсунь» (или «Корсунская страна») известна была вся Херсонская фема (византийская область), больше того, вся Таврида (Крым).\*

\* Как известно, название Крым введено было татарами. По-турецки Кырым значит «ров» (древнерусское «перекоп»). В московскую эпоху Крым назывался Перекопом.

Соответственно в слово «корсунянин» могло означать не только жителя города Херсона, но и, вообще, обитателя Крыма. Таким образом, когда мы читаем в летописи, что Владимир после своего похода в Крым и взятия города Корсуни вывез с собой к Киеву «корсунских попов», это не означает непременно, что он пригласил служить в Киев священников города Корсуни. Эти «попы» (включая и известного Анастасия) могли

быть священниками и в других крымских епархиях. По спискам византийских епархий известно, что кроме Корсуни (Херсона) в Крыму были епископские кафедры в следующих городах: Дорас (в Крымской Готии), Руллы, Сугдея (Сурож) и Босфор (Керчь).

Время проникновения русских в Крым нельзя определить с точностью, но более чем вероятно, что предки русских, анты, жили в восточной части Крыма задолго до X века. Ант (Antas), правда, как собственное, а не племенное имя, встречается в одной из керченских надписей III века н.э. Но надо иметь в виду, что личное имя прозвище могло быть в данном случае произведено от племенного имени. Анты – восточнославянское племя, организованное аланами. Поселение аланов (асов) в Крыму несомненно много древнее III века. Аланы, асы, анты – все эти племенные названия оставили прочный след в топонимике Крыма<sup>1</sup>. Одно из племён крымско-азовских степей (к северу от собственно Крыма) отмечено под именем «Рос» в «Церковной Истории» псевдо-Захарии Ритора (VI века). К концу VIII века (или к началу IX-го) относится известие жития св. Стефана Сурожского о нападении русского князя на город Сурож (древняя Сугдея, позже – Судак). В этом князе можно видеть одного из русских каганов, утвердившихся к этому времени на Таманском полуострове (в Тмутарокани). Главная часть его дружины состояла по-видимому из шведов<sup>2</sup>. О посольстве русского кагана в Константинополь и Германию упомянуто, как известно, в Бертинских Анналах под 839 годом.

Первое документальное свидетельство о русских в Крыму представляет собой договор великого князя Игоря с Византией 945 года. О «Корсунской стране» говорится в двух статьях этого договора – 8й и 11й по изданию М. Ф. Владимирского-Буданова<sup>3</sup>.

В «Повести Временных лет» по Ипатьевской летописи статья 11 читается так:

А по сихъ иже то приходять Черънии Болгаре и воюють в стране Корсньстии и вел Князю Русскому да их не пускаеть и пакостять стороне его<sup>4</sup>.

В Черных Болгарах я усматриваю Волжских Болгар. Если предположить, что русские владели Приазовьем, будет понятно, что русский князь мог пресечь путь болгарам, шедшим с севера на Крым. Что такой путь в Крым существовал, можно видеть на примере более позднего похода какого-то русского князя (по-видимому, одного из рязанских князей) на Судак в 1221 г. Этот князь был союзником половцев и шел помогать

защищать Судак от Сельджуков<sup>5</sup>. Возвращаясь к договору 945 г., важно отметить, что в этой статье Корсунская страна (очевидно, в данном случае, восточная часть Крыма) называется землей русского князя («сторона его»).

Переходим теперь к статье 8. В Ипатьевской летописи она читается так:

О Корсуньсии стороне: колко же есть городъ на тои части да не имуть власти князи Рускыи, да воюеть на техъ сторонахъ, а та страна не покоряется вам, и тогда аще просить вои от насъ князь Рускый, да мы ему елико ему будет требо и да воюет.

М. Ф. Владимирский-Буданов предлагает следующее толкование этой статьи: «Князь русский отказывается от притязаний на Херсонскую страну» (Примечание 21 к договору 945 г. в издании Владимирского-Буданова).

Это толкование является общепринятым в русской исторической науке. В «Хрестоматии по Истории СССР» (том I составили В. И. Лебедев, В. Е. Сыроечковский, М. Н. Тихомиров. М., 1939. С. 56) статья 8 переведена на современный русский язык так:

О Корсунской стране. Сколько ни есть городов в той стране, да не имеют над ними власти князья Русские и да (не) воюют и та страна им не покоряется, если же князь Русский просит у нас воинов в помощь, то мы дадим ему, сколько ему надобно.

Этот перевод – основанный на традиционном толковании статьи 8 – я считаю ошибочным. Прежде всего, переводчику пришлось вставить частицу «не», которой нет ни в Ипатьевском, ни в Лаврентьевском списке летописи. Далее, заключительная фраза – о византийской военной помощи русскому князю – остаётся совершенно непонятной. Владимирский-Буданов объясняет эту фразу так: «Князь Русский только под тем условием имеет право требовать помощь от греков, если навсегда откажется от притязаний на Черноморский берег» (примечание 22 к договору 945 г. в издании Владимирского-Буданова). Толкование Владимирского-Буданова вряд ли может быть принято.

Против кого мог князь русский требовать помощи от греков? Против печенегов? Но печенеги были союзники Игоря в его походе 944 года. Против Волжских болгар? Но по статье 11 князь русский брал на себя защиту Крыма от них. Остаются хазары. В это время

столкновение русских с хазарами могли происходить главным образом в Крыму. Если бы русский князь (согласно традиционному толкованию статьи 8) отказывался от притязаний на Крым, зачем ему тогда могла бы понадобиться помощь Византии? Очевидно, смысл статьи совершенно обратный тому, как его обыкновенно понимают. В этой статье византийский император не только признаёт русские права на восточную часть Крыма, но даже обещает в случае надобности военную помощь русскому князю для защиты этих его прав.

Статью 8 я перевожу на современный русский язык так:

О Корсунской стране. Те города (в восточной части Крыма), которыми не владеют русские князья, пусть он (князь Русский) за них воюет, и, если та страна (всё-таки) не подчиняется вам (русским) и князь Русский попросит от нас вспомогательные войска, мы дадим ему сколько надо, пусть он воюет.

В договоре не назван тот враг, против которого русские приглашаются воевать, но совершенно ясно, что этим врагом могли быть только хазары. Дело, по-видимому, обстояло так, что некоторые города восточного Крыма – во всяком случае Босфор, порусски Корчев (Керчь) – принадлежали русским, другие хазарам. Для византийских интересов в Крыму хазары были в данный момент опаснее, чем русские, поэтому византийский император и согласился на союз с князем Русским против хазар.

Остаётся вопрос – кто же был этот князь Русский? Как правильно указал ещё в 1908 г. Н. Д. Знойко, это не мог быть Игорь, потому что титул Игоря (согласно договору 945 г.) был «великий князь»<sup>6</sup>. Но договор заключен был не от имени Игоря только, а от имени «всякое княжья» (т.е. всех князей) и всех людей Русской земли. «Князь Русский», упомянутый в статье 8 договора, был один из русских князей, поддерживавших Игоря. По географической обстановке, это, конечно, мог быть только владетель Тмуторокани, т.е. правитель так называемого Русского Каганата; очевидно, он не имел в это время титула кагана или, во всяком случае, Игорь не признавал за ним этот титул, а признавал его только князем. Дальше мы увидим подтверждение нашему предположению о том, что князь Русский, упомянутый в статье 8 договора, был князь Тмутороканский.

Как бы то ни было, в договоре 945 года статья 8 не отрицает, а, наоборот, утверждает права русского князя на восточную часть Крыма. И, действительно, русские оставались

в Крыму и после договора 945 года, как об этом свидетельствует «Записка Готского топарха», составленная в 960-х годах. В этой записке говорится, что жившие в Крыму единоплеменники «могущественного северного князя» (Святослава Игоревича, княжившего в это время в Киеве) призвали его на помощь против врагов, которые теснили и их самих (этих единоплеменников Святослава) и их соседей, крымских готов<sup>7</sup>. Святослав отозвался на призыв и в 963 г. начал войну против хазаров. Через шесть лет, Хазарская империя была разбита русскими, и хазары удержались лишь в Приазовье и в северо-восточной части Крыма.

Между тем, внимание Святослава было отвлечено на Балканы. Сначала ему удалось завоевать почти всю Болгарию (где он хотел окончательно утвердиться), но затем обстоятельства приняли для русских неблагоприятный оборот. Как известно, византийскому императору Иоанну Цимисхию удалось разбить русских, и по договору 971 года Святослав обязался эвакуировать Болгарию. Он действительно двинулся обратно в Киев, но по дороге был убит в битве с печенегами (972).

Помимо Болгарии, в договоре 971 г. упомянут и Крым. Святослав обещал «яко ни коли же не помышляю на страну вашу (Византийскую империю), ни собираю люди, ни языка иного приведу на страну вашу и елико есть подъ власть (вариант: властію) Грецкою, ни на власть Корсунскую и елико есть годъ (вариант: градовъ) их, ни на болгарьску» (Ип. 61). В этом случае мы имеем определённый отказ великого князя Русского от притязаний на Корсунь; неясно, однако, в каком смысле употреблено здесь это имя: означает ли оно весь Крым или только византийские владения в Крыму, т.е. Херсонскую фему. Выражение «власть Корсунская» уже по значению, чем «страна Корсунская» (как в договоре 945 года) и указывает, как будто, только на Херсонскую фему.

## II.

Следующий знаменательный этап в истории русско-византийских отношений в Крыму – поход Владимира на Корсунь в 989 – 990 гг. Владимиром руководили соображения как военно-политические, так и церковно-политические. В военно-политическом отношении ему важно было установить связь между Киевом и Тмутароканью. Можно думать, что именно в это время он принял (в Тмутарокани) титул кагана, которым его позже величал митрополит Илларион.



В церковно-политическом отношении Владимиру было важно установить связь с Крымо-Азовскими епископами, в особенности с архиепископом Тмутороканским. Как показал ещё М. Д. Приселков, Владимиру не удалось договориться с византийским императором и патриархом относительно автокефалии или, во всяком случае, широкой автономии русской церкви<sup>8</sup>. Не желая строить русской церковной жизни на началах полного подчинения русской церкви патриарху Константинопольскому, Владимир и решил получить священников из Приазовья и Крыма<sup>9</sup>. Согласно предположению Е. Е. Голубинского, к которому я вполне присоединяюсь, центр первой русской епархии (после крещения Руссов в 866 г. при патриархе Фотии), был в Тмуторокани. По всей вероятности, архиепископ Тмутороканский и сделался главою русской церкви при Владимире, и только сын Владимира Ярослав согласился на прямое церковное подчинение Киева Константинополю (в 1037 г.)

Известно, что после взятия Корсуни (Херсона) Владимиром, император Василий II отпустил, наконец, свою сестру Анну к Владимиру, и они повенчались в Корсуни, после чего Владимир вернул город императору в качестве вена. Но вернул он только город Корсунь с окружающей территорией, т.е. Корсунскую фему. Бывшие русские владения в восточной части Крыма несомненно остались за Владимиром по его званию русского кагана.

Смерть Владимира послужила сигналом к борьбе между его сыновьями, в самом начале которой погибли от руки убийц, посланных Святополком, Борис, Глеб и Святослав. Святополк захватил Киев и началась длительная борьба его с Ярославом, опиравшимся на Новгород. Особое, не вполне ещё выясненное положение в этой борьбе занял Изяслав Полоцкий, также, по-видимому, пытавшийся утвердиться в Киеве. На юго-востоке Мстислав Тмутороканский держался особняком, не вмешиваясь в борьбу между Святополком и Ярославом. Годы этой распри между старшими братьями Мстислав употребили на то, чтобы укрепить свою власть в Приазовье и округлить свои владения по обеим сторонам Керченского пролива. К этому времени относится его война с хазарами, о которой не сохранилось известий в русских летописях и есть только краткое упоминание у византийского историка Скилицы.

Приводим русский перевод текста Скилицы (в передаче Кедрина)<sup>10</sup>.

Вернувшись в Константинополь, царь в январе месяце 6524 года (1016) посылает в Хазарию флот под начальством Монга, сына Андроника, дука Лидийского; и при содействии Сфенга, брата Владимира царского брата (Монг) подчинил страну (хазар), правитель которой Георгий Цул был взят в плен в первом же столкновении<sup>11</sup>.

Скилица приписывает инициативу похода императору и отводит русскому князю лишь подчиненную роль. Это обычный приём византийской условной фразеологии. На самом деле, поход был, конечно, совместным предприятием русских и греков и весьма возможно даже, что инициатива принадлежала русским: они действовали на суше, причём их войско было поддержано византийским флотом. Под «страною хазар» в этот период надо понимать восточную часть Крыма и часть крымско-азовских степей, примыкающую к Азовскому морю с северо-запада.

Русские войска, принимавшие участие в этом походе, не могли быть посланы Святополком из Киева, т.к. последний, наоборот, стягивал в Киев все возможные подкрепления для борьбы с Ярославом. Русские войска могли быть в это время посланы в Крым только Мстиславом Тмутороканским. Последний был сыном Владимира, а не братом, как говорится у Кедрина; непонятно также имя Сфенг, приводимое Кедриним. Можно предположить либо ошибку у Кедрина в этом месте при заимствовании текста Скилицы, либо считать, что «Сфенг» был воеводой Мстислава и что Мстислав лично в походе не участвовал. У Кедрина Владимир называется братом царя (Василия); на самом деле он был царским зятем (мужем сестры царя). В таком случае и Сфенг мог быть не братом, а зятем Владимира – мужем его дочери или сестры – хотя о таком замужестве сестры или дочери Владимира ничего неизвестно, и даже, вообще, неизвестно, были ли у Владимира сёстры. Тот или иной ответ на этот вопрос не меняет основного факта, записанного Скилицей. Факт этот – сотрудничество Византии и Тмутороканской Руси против хазар. Как мы видели, это сотрудничество было предусмотрено договором Игоря с Византией 945 года. В походе 1016 г. мы имеем определённый случай применения к жизни этого договора. Факт этот представляет также добавочное свидетельство о том, что «князь русский» статьи 8 договора 945 г. был именно владетель Тмуторокани.

Результаты похода были, несомненно, выгоды для обоих союзников. Византии удалось, таким образом, устранить опасность хазарских набегов на Херсонскую фему, а

Тмутороканской Руси – обеспечить свои владения в восточной части Крыма, в которые в это время входил, по-видимому, и Сурож (Сугдея).

Равновесие между византийской и русской сферами влияния в Крыму было нарушено русско-византийской войной 1043 г. У нас нет сведений о том, происходили ли во время этой войны какие-либо столкновения между русскими и греками в Крыму. Во всяком случае, главный удар был русскими направлен непосредственно на Босфор. Русский поход, как известно, закончился катастрофой. Одним из последствий русской неудачи было, по-видимому, расширение византийских владений в Крыму за счёт русских. В частности, город Сурож (сугдея) занят был византийцами, о чём свидетельствует надпись 1059 года, в которой упоминается Лев Алиат стратиг Херсона и Сугдеи<sup>12</sup>.

В 1060-х годах намечается, однако, новое усиление русской активности в Крыму. При этом, впрочем, положение русских ослаблено было междукняжескими раздорами. Как известно, после смерти Ярослава (1054) установился триумвират старших его сыновей – Изяслава, Святослава и Всеволода. Святослав княжил в Чернигове, к которому в это время приписан был и Тмутороканский удел. В общем порядке княжого владения на Руси не нашли себе места ни Полоцкий князь – знаменитый чернокнижник Всеслав, ни Ростислав – сын Владимира Ярославича (умершего ранее своего отца), не получивший никакого определенного удела. Всеславу и Ростиславу, естественно, было объединиться против триумвиров, что они, по-видимому, и сделали, хотя документальных доказательств этому у нас нет. В «Слове о полку Игореве» говорится, что Всеслав «исъ Кыева дорискаше до кур Тмуторокани». По летописям не видно, чтобы Всеслав когда-либо ездил в Тмуторокань. Нов 1064 г. Ростислав Владимирович неожиданно там появился и выгнал оттуда Глеба Святославича, сидевшего там в качестве наместника своего отца. Можно думать, что набег Ростислава на Тмуторокань организован был Всеславом и в этом смысле можно понимать соответствующий стих «Слова» – о том, что Всеслав магически молниеносно мог достичь Тмуторокани.

Ростиславу удалось прочно обосноваться в Тмуторокани. Летописец сообщает, что он собирал дань с касогов и в «иных странах» (Ипат. 154). Можно думать, что Ростислав пользовался большой популярностью в Крыму и что даже в византийском городе Корсуни у него было много сторонников. Обеспокоенный этим византийский губернатор (катепан) Корсуни решил принять надлежащие меры. В виду того, что Ростислав

утвердился в области, принадлежавшей одному из триумвиров (Святославу), можно думать, что по просьбе этого последнего другой триумвир – Всеволод – бывший в хороших отношениях с Византией, со своей стороны, посоветовал грекам выступить против Ростислава. Греки предпочли действовать «лестью». В 1066 г. под предлогом дружеских переговоров катепан посетил Ростислава в Тмуторокани и на пиру подсыпал яду в чашу русского князя. Ростислав умер через неделю. Когда об этом узнали жители города Корсуни, они возмутились и побили камнями катепана (Ипат. 154). Бунт против катепана в дальнейшем разросся в настоящее восстание корсунян против императора и город Корсунь отложился от Византийской империи. Несмотря на смерть Ростислава, корсуняне, видимо, тяготели к Тмутороканскому княжеству и, во всяком случае, рассчитывали на поддержку Тмутороканских князей. Намечалось, таким образом, объединение Крыма под русским руководством.

Однако со смертью Ростислава политическая обстановка в Приазовье значительно изменилась. Глеб Святославич вернулся в Тмуторокань. Известно, что в 1068 г. он произвёл измерение ширины Керченского пролива («мерил море от Тмутороканя до Корчева»). Как представитель черниговского князя – его отца – Глеб должен был быть заинтересован в укреплении и расширении Тмутороканского княжества и, в частности, в укреплении русской власти в Крыму. Но отец Глеба Святослав был не только черниговским князем, но также и триумвиром – соправителем Изяслава и Всеволода – и в своей политике должен был считаться с планами последних, Всеволод же в особенности стоял за дружественные отношения с Византией. В 1073 г. триумвират раскололся: два члена его – Святослав и Всеволод – изгнали третьего (Изяслава) из Киева и Святослав сел на киевский трон. Святослав тяготел к Западу, но должен был считаться с византинофильством Всеволода. В течение ближайших трёх лет Корсунский вопрос не был разрешён ни в ту, ни в другую сторону, но в 1076 г. Святослав по настоянию Всеволода согласился поддержать императорские притязания на Корсунь и послать в Крым русские войска под командою своего сына Глеба и сына Всеволода – Владимира Мономаха. Об этом эпизоде мы знаем из «Истории» Татищева. Запись Татищева, основанная на не дошедших до нас летописных списках довольно путаная. Из неё видно, что поход Глеба и Владимира состоялся уже после смерти Святослава (который умер в том же 1076 г.). Всеволод тогда примирился с Изяславом, который вернулся на Киевский престол. Влияние Всеволода сильно возросло после смерти Святослава, и русская интервенция в Крыму прошла всецело под его руководством. Глеб и Владимир заняли

мятежный город и усмирили бунтовщиков<sup>13</sup>. Русскими руками было, таким образом, восстановлено в Крыму византийское владычество.

---

## Примечания

<sup>1</sup> См. G. VERNADSKY, *Ancient Russia*. (Vernadsky G. Ancient Russia (New Haven, 1943), 105, 106, 148, также: G. VERNADSKY, *The Rus in the Crimea and the Russo-Byzantine Treaty of 945*, Byzantina-Metabyzantina, I (New York, 1946), 249–250.

<sup>2</sup> См. G. VERNADSKY, *Ancient Russia*, 280; ВАСИЛЬЕВСКИЙ, *Труды*, III (Петроград, 1915), 95–96. Попытки Анри Грегуара и Mme Da Costa-Louillet опровергнуть соображения В. Г. Васильевского по вопросу о достоверности жития св. Стефана Сурожского я считаю неудачными, т. к. ни Грегуаром, ни мадам да Коста-Луйе не было приведено новых аргументов. Следует отметить, что А. А. Васильев первоначально соглашался с Васильевским и опирался на житие Стефана Сурожского в своей книге *The Goths in the Crimea* (Cambridge, Mass., 1936), 111. Однако в своей последней книге *The Russian Attack on Constantinople in 860* (Cambridge, Mass., 1946), 13, 71–89. А. А. Васильев отказывается от точки зрения В. Г. Васильевского и вместе с тем от возможности пользоваться житием Стефана Сурожского (а также и житием св. Георгия Амастридского) как историческим источником. Должен сказать, что и доводы Васильева я не считаю убедительными. Любопытно, что ещё задолго до выхода в свет последней книги Васильева во французском издании другой его книги «Византия и арабы» (*Byzance et les Arabes*, I. Bruxelles, 1935) Грегуар от себя вставил в текст Васильева фразу о том, что известие жития Георгия Амастридского следует относить к походу 860 г., а не к более раннему времени. Характерно для редакторских приёмов Грегуара, что при этом он не оговорил, что эта фраза не принадлежит Васильеву (см. А. А. VASILIEV, *The Russian Attack*, 76). Как бы то ни было, в дальнейшем Васильев согласился с точкой зрения Грегуара.

<sup>3</sup> М. Ф. ВЛАДИМИРСКИЙ-БУДАНОВ. *Христоматия по истории русского права*, I (6-е изд., СПб. и Киев, 1906), 8–16. Договор Игоря был заключён в 944 г., см. G. OSTROGORSKY, *Geschichte des Byzantinischen Staates* (München, 1940), 195, но по всей обстановке вероятно, что ратифицирован русскими он не мог быть ранее начала 945 г. [От руки на отдельном листе добавлено]: О договоре 945 г. см. также А. Н. НАСОНОВ, *Тмуторокань в истории Восточной Европы X века*, Исторические записки, 6 (1940), 89–94. Соображения Насонова очень интересны, но с его толкованием статей о Корсунской стороне я не могу согласиться.

<sup>4</sup> Ипатьевская летопись здесь и в дальнейшем цитируется по 3-му изданию (Петроград, 1923)

<sup>5</sup> G. VERNADSKY, *Kievan Russia*. (New Haven, 1948), 235–236. [От руки на отдельном листе добавлено]: статья А. Полканова, на которую ссылается А. Н. НАСОНОВ, *Тмуторокань*, 98, примеч. 3, для меня недоступна.

<sup>6</sup> Н. Д. ЗНОЙКО, *О походах Святослава на Восток*, ЖМНП, 18 (1908), 280–282.

<sup>7</sup> А. А. VASILIEV, *The Goths in the Crimea* (Cambridge, Mass., 1936), 125–128.

<sup>8</sup> М. Д. ПРИСЕЛКОВ, *Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси* (СПб., 1913), 33–35. Принимая эту – отрицательную часть выводов Приселкова – я не могу согласиться с их положительной частью, т. е. с его утверждением, что во время княжения Владимира русская церковь была под главенством архиепископа Охридского. Недавно Онигман высказал мнение, что и до Ярослава, при Владимире, русская церковь была подчинена Константинопольскому патриарху. См. E. HONIGMAN, *Studies in Slavic Church History*, Byzantion, 17 (1945), 128–162. С этим также трудно согласиться.

<sup>9</sup> См. мою статью *The Status of the Russian Church during the First Half-Century Following Vladimir's Conversion*, *Slavonic and East European Review*, 20 (1941), 294–314, а также мою новую книгу *Kievan Russia* (New Haven, 1948), 64–68.

<sup>10</sup> Cedrenus (Bonn ed.), II, 464.

<sup>11</sup> Об имени Цул см. G. MORAVCSIK *Byzantinoturcica*, II (Budapest, 1943), 264–265. [От руки на отдельном листе добавлено]: о войне 1016 г. см. также А. Н. НАСОНОВ, *Тмуторокань*, 91–93.

<sup>12</sup> Ю. А. КУЛАКОВСКИЙ, *Прошлое Тавриды* (2-е изд., Киев, 1914), 88.

<sup>13</sup> В. Г. ВАСИЛЬЕВСКИЙ, *Труды*, II (СПб., 1915), 28–34.